

Орвицка поправил одежду и решительно открыл дверь кареты. Они находились на заднем дворе полицейского участка, на стоянке для служебных экипажей. Лошадей уже увели в конюшни, здесь одиноко стояла лишь их карета. Оборотни выстроились у двери в две безупречно ровные шеренги, их взгляды, устремленные на Орвицку, были полны жадного восхищения и легкой, едва заметной обиды.

Анка выступил вперед и от имени всех оборотней низко поклонился:

- Поздравляем вас, господин. Мы даже стоя снаружи чувствовали, как у нас подкашиваются ноги от вашей силы, а теперь, находясь прямо перед вами, нам и вовсе трудно дышать.

Орвицка одарил их вежливой, но отстраненной улыбкой:

- Простите, мы с Гасией давно не виделись, заставили вас так долго ждать.

Спросите - не понял, решительно ничего не понял.

Раз уж он твердо решил не заводить гарем, нельзя было давать оборотням ни малейшей, даже самой призрачной надежды. Это было бы несправедливо и жестоко по отношению к ним и, несомненно, могло причинить боль Далиану - не только моральную, но и вполне реальную, физическую.

Сейчас оборотни демонстрировали трогательное единение и тесно сотрудничали, в свободное время часто собирались тесным кружком, мирно грызли печенье и занимались вязанием, словно уже досрочно вышли на безмятежную пенсию. Но Орвицка прекрасно помнил, как поначалу они отчаянно интриговали друг против друга. Тогда они смотрели друг на друга с такой лютой ненавистью, что казалось, вот-вот вцепятся друг другу в глотки.

Далиан тоже вышел из кареты. Орвицка услышал глухой стук его сапог о землю, а затем - глубокий, полный удовлетворения вздох. Орвицка бесстрастно обернулся. Далиан не только не потрудился поправить свой мундир, весь измятый, но даже демонстративно расстегнул верхние пуговицы рубашки и мундира. Лишь выйдя из кареты, он принялся неторопливо приводить себя в порядок.

Орвицка снова с непроницаемым лицом отвернулся. Оборотни, только что метавшие в Далиана испепеляющие взгляды, тут же вновь натянули на лица подобострастные улыбки.

- Раз уж вы не в состоянии выносить давление, исходящее от Орвицки, то в ближайшее время

сидите по своим домам, - с обманчиво ласковой улыбкой произнес Далиан слова, которые для любого другого оборотня прозвучали бы как изощренное издевательство.

- !

- Гасия совершенно прав, для вашего же блага оставайтесь пока дома, - поддержал его Орвицка. - Простите, что отсутствовал в самый ответственный момент. Как продвигается расследование? Нужна ли еще моя помощь?

Оборотни явно хотели возразить, но под гнетущим давлением, исходившим от Орвицки, не осмеливались произнести ни слова. Даже кипя от праведного гнева так, что из ноздрей, казалось, валил горячий пар, они могли лишь бросать на Орвицку полные обиды и разочарования взгляды.

Они прекрасно понимали, что дальнейшее обсуждение этой темы вызовет лишь еще большее недовольство Орвицки.

Но и в расследовании дела особого прогресса не наблюдалось. Они лишь сумели в деталях восстановить *modus operandi* (образ действия) этих двоих. Угнанный Лэнгли наемный экипаж оказался самой обычной четырехместной повозкой с двумя рядами сидений, расположенными лицом друг к другу. Подобно пассажирам автобусов на Голубой планете, люди чаще всего выбирали места по ходу движения, и лишь затем занимали сиденья спиной к кучеру.

Пассажиры наемных экипажей поступали точно так же. Люди инстинктивно садились лицом вперед. Бави, этот тщедушный и незаметный тип, прятался под сиденьем, обращенным назад. Свернувшись калачиком, он был практически невидим. Но как только экипаж трогался с места, он начинал внимательно наблюдать за пассажиркой сквозь щели в чехле сиденья. В тот момент, когда женщина отвлекалась на мелькающие за окном пейзажи или начинала дремать, он молниеносно выскакивал из своего укрытия и сбивал ее с ног точным ударом.

Бави был горбатым, хромым и низкорослым, но он все же был мужчиной, и его физической силы хватало, чтобы справиться с большинством женщин, особенно учитывая фактор внезапности. Осечки случались крайне редко.

Пару раз в карете завязывалась отчаянная борьба, крики жертвы привлекали внимание случайных прохожих. В таких случаях Лэнгли, сидевший на козлах, мастерски разыгрывал целое представление: делал сокрушенное лицо, разводил руками, всем своим видом показывая: "Ну что поделать", "Какой стыд", "Сами понимаете". Поскольку действительно иногда случалось, что некоторые господа и дамы позволяли себе вольности в наемных экипажах, а

Лэнгли вел себя настолько естественно и убедительно, прохожие обычно просто отходили в сторону, когда шторы на окнах кареты плотно задергивались, а изнутри доносилось подозрительное ритмичное покачивание.

Они отвозили экипаж на безлюдную дорогу, там крепко связывали потерявшую сознание женщину и запихивали ее в большой ящик. Заполучив новую жертву, они в тот же вечер вывозили предыдущую пленницу в таком же ящике и выбрасывали ее тело где-нибудь в глухом месте.

Вывозимая жертва на тот момент была еще жива - так ее конечности оставались гибкими, и ее было легче извлечь из ящика. Но перед тем, как избавиться от тела, они либо сворачивали девушке шею, либо наносили смертельный удар ножом в грудь...

Но кроме этих жутких подробностей, в расследовании дела не было никакого существенного прогресса.

- Бави так и не сознался? - под "сознался" Орвицка имел в виду, назвал ли он имена всех их жертв.

- Он врет как сивый мерин, даже его предыдущим словам верить нельзя, - Анка мельком взглянул на Далиана. - Гасия тогда тоже присутствовал. Бави сначала взял на себя вину за убийство всех женщин, обвинял нас в том, что мы поймали не тех, твердил, что это он убил всех жертв, даже те дела, по которым уже были найдены настоящие убийцы.

А потом, когда до него дошло, что обвинение в убийстве касается не только мужчин, но и женщин, он снова начал отчаянно выкручиваться. Заявил, что все преступления - дело рук подражателей, что он и Лэнгли - тоже всего лишь подражатели, что они совершили это впервые и во второй раз, и обе их жертвы остались живы, а значит, они никого не убивали.

- Да уж, действительно хлопотно... - Орвицка вошел в здание участка через заднюю дверь. В просторном холле в это время толпилось множество полицейских, царила обычная дневная суета. Но как только Орвицка появился в сопровождении целой свиты оборотней, все разговоры мгновенно смолкли, полицейские замерли на месте. Они смотрели на вошедших со смесью страха и жгучего любопытства, и только убедившись, что на них не обращают внимания, поспешно и тихо разошлись по своим делам.

Орвицка и оборотни одновременно нахмурились. Их беспокоило не то, как осудить этих двоих нелюдей - их вина была очевидна. Настоящая проблема заключалась в том, как выявить всех подражателей. В тех случаях, где убийц явно опознали как подражателей, либо уже нашли настоящих преступников, либо появились важные улики, и через несколько дней тщательного расследования эти дела, скорее всего, будут раскрыты. Но среди оставшихся жертв наверняка

были и те, чьи убийцы остались неизвестны, скрывшись под маской Убийцы с лентой.

Эти двое мерзавцев в любом случае заслуживали самой мучительной смерти, но погибшие девушки заслуживали правды, а их убийцы, которых еще можно было покарать по закону, тем более не должны были разгуливать на свободе.

Подойдя к зоне для допросов, Орвицка неожиданно столкнулся с Деннисом Розенбергом, известным репортером из "Нортон Морнинг Пост".

- Он пришел сделать репортаж о поимке Убийцы с лентой. Этому делу пора положить конец, - пояснил Анка.

Действительно, нужно было поставить жирную точку. Обратиться к знакомому репортеру было гораздо разумнее, чем позволить обывателям и дальше строить дикие догадки и распространять слухи.

- О! Наш герой! - воскликнул Розенберг, тут же узнав Орвицку. Держа в руке свежий номер газеты, он с энтузиазмом раскинул руки для объятий, но на полпути его решительно перехватил Ивир. Розенберг смущенно опустил руки и протянул газету Орвицке. - Ваша невероятная отвага достойна быть воспетой в эпической поэме!

На той стороне газеты, которую видел Орвицка, красовался огромный заголовок "Нортон Морнинг Пост": "Классический герой нового времени! Неслыханная отвага! Подлинный героизм!". Статью иллюстрировал впечатляющий рисунок: Орвицка, которого волочит за собой бешено мчащийся экипаж, отчаянно вцепившись в багажник. Рядом была помещена фотография с места событий, запечатлевшая момент, когда его, безжизненного, уносят на носилках.

Рисунок был выполнен с поразительным реализмом, а фотография... неужели ее не сделали постановочно уже позже? Орвицка смотрел на себя на носилках и не мог отделаться от мысли, что выглядит там действительно тяжело раненным, на грани смерти.

- Никто не знал, в какую больницу вас доставили, но сегодня несметные толпы людей несли цветы во все госпитали города, цены на цветы взлетели до небес! - продолжал восхищаться Розенберг.

Только теперь Орвицка в полной мере осознал, как ему повезло, что представители Рода Крови забрали его к себе. Иначе ему пришлось бы сейчас отлеживаться в больничной палате и изображать тяжелого больного, даже если бы он чувствовал себя прекрасно. Глядя на восторженного репортера, Орвицка внезапно нашел решение:

- Господин Розенберг, не могли бы вы оказать нам одну услугу? Разумеется, помогая нам, вы получите эксклюзивную информацию из первых рук, но, как и прежде, кое-какие детали нельзя будет публиковать немедленно.

- Понятия не имею, о какой услуге идет речь... но я согласен! - Розенберг обладал истинным журналистским азартом и чутьем на сенсации.

- Кстати, хочу спросить, кто автор этой фотографии? - Орвицка указал на снимок, где он выглядел почти умирающим.

- Ну конечно же, Джереми! Джереми Тани, лучший фотограф "Нортон Морнинг Пост"! - с нескрываемой гордостью представил своего помощника Розенберг.

Тани поднял голову, окинул их взглядом, и на его грубоватом лице появилась улыбка, совершенно не вязавшаяся с его мужественной внешностью - на удивление застенчивая. Это ведь он сделал и ту фотографию, на которой Орвицка выглядел значительно взрослее. "Действительно, мастер своего дела", - подумал Орвицка.

Репортер дал свое согласие. Орвицка не стал терять времени на подготовку и вскоре повел Далиана, Анку, Розенберга и Тани в комнату для допросов.

Это была комната для допросов особо опасных преступников. Внутри стоял удушливый смрад. Бави сидел в специальном железном кресле, намертво прикрученном к полу. Его руки и ноги были надежно скованы, а тело перетянута несколькими тяжелыми цепями. С момента задержания он не покидал этого пыточного места. Заключение, у которых еще сохранилась хоть капля человеческого достоинства, пошли бы на любые уступки, чтобы получить возможность сходить в туалет, но такой бесстыжий подонок, как Бави, совершенно не стеснялся испражняться прямо под себя.

Он узнал Орвицку, и на его лице отразился неподдельный страх. В конце концов, опыт, когда тебя безжалостно хватают за лодыжки и швыряют как мешок с мусором, вряд ли можно легко забыть.

- Бави Лесотт, давай заключим сделку, - Орвицка решительно подтолкнул к Бави документ, сплошь исписанный мелким текстом.

- Сделку? Какую еще сделку? - Глаза негодя лихорадочно забегали, на его лице отвратительно сменялись выражения жадности и первобытного страха. - Я никого не убивал! Вы должны меня

отпустить! Меня подставили!

- Лэнгли Шелл, без всяких сомнений, и есть тот самый Убийца с лентой, - холодно произнес Орвицка, - его неминуемо ждет смертная казнь. Такого чудовища даже не удостоят простой виселицы, его ждет нечто гораздо более страшное. Скорее всего, сажание на кол - казнь, которую не применяли уже много лет. Ты хоть представляешь себе, что это такое?

Эту казнь еще называют казнью "пугала" или "марионетки". Берут толстый деревянный кол с тупым, закругленным концом, втыкают его жертве снизу и выводят через рот. Потом несчастного так и вывешивают на месте казни, словно огородное пугало. Поскольку конец кола закруглен, повреждаются в основном кишечник и горло, а остальные внутренние органы страдают минимально.

Говорят, некоторые несчастные могут даже дрыгать руками и ногами на этом колу по десять с лишним часов, прежде чем испустить дух. Их предсмертные судороги, хаотичные и дерганные, действительно напоминают движения марионетки на ниточках.

Бави судорожно задергался из стороны в сторону, смрад в комнате стал еще гуще:

- Он убил столько невинных женщин! Он заслужил это, разве не так? - к своему поделнику Лэнгли он не испытывал ни капли сочувствия.

- Сообщник Убийцы с лентой получит точно такой же приговор, - ледяным тоном добавил Орвицка.

- ! - Бави резко вскинул голову. На его лице отразилась буря эмоций: гнев, сомнение, обида, негодование. Он забился в цепях, которые загремели с оглушительным лязгом. - Я невиновен! Меня нельзя убивать! Вы обязаны меня отпустить! Немедленно отпустите меня!

Орвицка молча наблюдал за его конвульсиями. Вскоре Бави обессилел, поник головой и принялся тяжело, хрипло дышать, бормоча сквозь слезы: "Я невиновен...".

Он, вероятно, действительно искренне считал себя невинным, этот отвратительный, тошнотворный подонок.

- Ты хочешь жить? - спокойно спросил Орвицка.

- Я невиновен! - прохрипел Бави, из последних сил продолжая цепляться за свою иллюзию "невиновности".

Орвицка нетерпеливо нахмурился. Допрашивать преступника, который одновременно и непроходимо туп, и чудовищно зол, да еще и искренне считает себя умным, было настоящей пыткой. Тот изо всех сил пытался выкрутиться, исходя из своего искаженного понимания ситуации.

- Скажем так, - произнес Орвицка, стараясь говорить максимально четко, - одного Убийцы с лентой в качестве непосредственного исполнителя нам действительно хватит.

Не успел Орвицка договорить, как глаза Бави вспыхнули безумной надеждой:

- Значит, я могу идти?!

- Но и отправить на эшафот двоих для нас не составит никакого труда, - безжалостно добавил Орвицка.

- Ты же обещал! Ты обманул меня! - взвыл Бави, его голос сорвался на визг. - Разве ты только что не признал, что я невиновен?!

- Заткнись, твою мать! - Орвицка взорвался. Он вскочил на ноги и с силой ударил кулаком по столу - остатки самообладания удержали его от того, чтобы врезать Бави по лицу. Ему позарез нужна была информация, нельзя было прикончить этого ублюдка прямо сейчас.

Этот стол был изготовлен из того же чугуна, что и железное кресло, к которому был прикован Бави, и так же намертво привинчен к полу. После сокрушительного удара Орвицки столешница заметно прогнулась посередине...

Глядя на четкий отпечаток кулака в центре стола, Бави непроизвольно обмочился.

Все, кто сидел напротив стола, инстинктивно вскочили и отступили на пару шагов, чтобы не запачкать обувь. Лицо Анки исказилось от напряжения, он было поднял ногу, собираясь отступить еще дальше, но силой воли заставил себя остаться на месте. Невыносимое давление, исходившее от Орвицки, вызывало у него почти паническое желание бежать из этой комнаты. Но он посмотрел на Далиана. Тот тоже заметно побледнел, но твердо стоял рядом с Орвицкой, не дрожа всем телом, как он сам.

Стиснув зубы до скрипа, Анка заставил себя стоять неподвижно.

- Если тебя признают пособником Убийцы с лентой, ты умрешь, - произнес Орвицка, чеканя каждое слово. - Если же выяснится, что ты тоже был жертвой, принужденной к соучастию силой, ты будешь жить. Но кем тебя считать - решаем не мы, а суд. И если ты хочешь жить, тебе придется заплатить свою цену. Ты понял? - Орвицка наконец договорил.

- По... понял, - пролепетал Бави. - Какую цену я должен заплатить?

- Нам нужна правда, - подчеркнул Орвицка. - Слушай внимательно: только правда. Не нужно признаваться в том, чего ты не совершал, и не нужно пытаться оправдаться, сваливая все на других. Наша цель - найти настоящих убийц, поэтому нам нужна только чистая, неприкрытая правда.

- Ка... как я могу быть уверен, что, когда я все расскажу, вы действительно оставите меня в живых? - Бави был не столько умен, сколько хитер и судил других по себе. Окажись он на их месте, он бы, несомненно, сначала вытянул всю нужную информацию, а потом хладнокровно прикончил бы собеседника.

Орвицка указал на Розенберга:

- Это Деннис Розенберг, известный репортер из "Нортон Морнинг Пост". Он досконально запишет все, что будет происходить во время этого допроса, включая наш с тобой договор. Все это будет официально запротоколировано и опубликовано. Мы не посмеем нарушить свое слово, иначе в будущем ни один преступник больше не станет с нами сотрудничать, а общественность проклянет нас за вероломство и несоблюдение обещаний.

Бави слушал с разинутым ртом, явно ошеломленный. Он никак не ожидал такого способа гарантии, и, надо признать, это звучало довольно убедительно. Но Бави все же недоверчиво покачал головой:

- Да кто его знает, репортер ли он на самом деле. Нет, так не пойдет. Вы должны сначала отпустить меня. Только когда я почувствую себя в полной безопасности, я расскажу вам всю правду.

- Отпустим тебя, и ты тут же растворишься без следа, - как только Орвицка произнес эти слова, Бави посмотрел на него с выражением лица, которое недвусмысленно говорило: "Откуда ты знаешь?". Орвицка даже поленился его отчитывать. - Пошли отсюда.

Он тоже исчерпал все свои аргументы. Этот тип был просто безнадежным - жадным, ненасытным и непроходимо глупым. Хотя Орвицка действительно блефовал - по-хорошему, следовало бы пригласить адвоката. Но Бави даже читать не умел, откуда ему было знать, чем занимаются такие важные и влиятельные люди, как адвокаты.

- Нет! Подождите! Я все расскажу! Я согласен на сделку! - отчаянно закричал Бави им вслед.

Розенберг с нескрываемой надеждой посмотрел на Орвицку. Орвицка открыл дверь и, остановившись в проеме, бросил через плечо:

- Я сомневаюсь в правдивости всего, что он скажет.

Анка шагнул вперед:

- Я займусь этим. Я все запишу.

- Хорошо, - кивнул Орвицка.

Розенберг, разумеется, с огромным удовольствием остался в комнате для допросов вместе со своим помощником. Орвицка заранее предупредил его, что подробности этого допроса не подлежат огласке. Он был уверен, что общественность не станет осуждать полицию за обман такого отъявленного преступника, но это могло создать серьезные проблемы для будущих допросов. Розенберг согласился с условиями, но все равно был в восторге - это был уникальный опыт, и он наслаждался каждым моментом этой напряженной, почти театральной сцены.

- Мне действительно стоило съехать отсюда, - пробормотал Орвицка, не упустив из виду странное выражение лица Анки и его явное облегчение, когда он остался вести допрос в одиночку.

- Ты можешь переехать куда твоей душе угодно, - тут же отозвался Далиан, - только позволь мне всегда быть рядом с тобой.

Орвицка почувствовал, как щеки заливают румянец - похоже, Далиан обладал редким талантом произносить самые трогательные признания с абсолютно невозмутимым видом.

Далиан удовлетворенно улыбнулся, заметив реакцию Орвицки:

- Я пойду работать. Увидимся в обед.

Дело Убийцы с лентой в участке Рыбьего Хвоста еще далеко не было закрыто. Далиан провел с Орвицкой всю прошлую ночь без сна, и теперь, когда прошла уже почти половина рабочего дня, у него, несомненно, накопилась целая гора неотложных дел.

- Хорошо, увидимся в обед, - кивнул Орвицка.

Далиан слегка наклонил голову и выразительно указал пальцем на свою щеку.

Орвицка отрицательно покачал головой. Далиан только успел изобразить на лице легкое разочарование, как Орвицка стремительно наклонился и легко коснулся губами его губ. Этот неожиданный и дерзкий поцелуй заставил Далиана уйти с сияющей улыбкой на лице.

Едва Далиан скрылся за дверью, как из какого-то темного угла вынырнул Шультон. Он слегка наклонился вперед, заложив левую руку за спину, правую руку полусогнул, прижав кисть к груди в подобострастном жесте:

- Какие будут приказания, господин Мондейл?

- ... - Такое угодливое поведение вызывало у Орвицки острое чувство дискомфорта. - Господин Шультон, вы мой коллега-полицейский, а не лакей в гостинице или личный слуга.

Шультон внимательно изучил выражение лица Орвицки:

- Прошу прощения, прежний господин Старый Максвелл очень любил, когда я принимал именно такую позу... Моя ошибка, я неверно вас понял. Вы и он - совершенно разные люди...

- Лэнгли Шелл находится в камере предварительного заключения или в комнате для допросов?
- Орвицка решил поскорее прекратить этот неловкий разговор, иначе он рисковал не сдержать свои пальцы ног, которые так и норовили сжаться от раздражения.

- В комнате для допросов, - тут же ответил Шультон, мгновенно переключившись на деловой тон. - В конце концов, ему еще предстоит предстать перед судом. Окажись он в общей камере, он бы там и часа не прожил. - Шультон тут же развернулся и повел Орвицку по коридору. - С момента ареста он не проронил ни единого слова. Даже когда мы применили к нему некоторые, скажем так, особые методы воздействия, он так и не заговорил. И, вероятно, из-за его специфической прошлой работы, его болевой порог значительно выше, чем у большинства обычных преступников.

- Я знаю, - кивнул Орвицка. - Я просто попробую его разговорить, убивать я его не собираюсь.

Орвицка вошел в комнату для допросов. Шультон услужливо произнес: "Если что-нибудь понадобится, зовите меня в любое время", - затем тихо прикрыл за собой дверь, все еще напоминая невероятно предупредительного гостиничного служащего, причем работающего исключительно за чаевые.

Это тоже была комната для допросов особо опасных преступников. Лэнгли, так же как и Бави, со вчерашнего дня был намертво прикован к тяжелому железному стулу, поэтому воздух в помещении был пропитан густым, тошнотворным смрадом. Но если Бави не испытывал ни малейшего стыда, будучи подонком, пропитанным собственными испражнениями с головы до ног, то Лэнгли, казалось, погрузился в состояние полного отчаяния и апатии.

Лэнгли Шелл, он же Стремительный спуск, без всякого сомнения, был несчастным, сломленным человеком, но в тот момент, когда он начал причинять невыносимые страдания другим, он лишился всякого права на сочувствие и жалость.

- Ты упорно молчишь. Почему? - Орвицка с силой бросил папку с делом на стол. Он инстинктивно чувствовал, что, в отличие от того болтливого негодяя, способного на любую

ложь, показаниям Лэнгли, если бы тот все же заговорил, можно было бы доверять гораздо больше. - Бави сидит в соседней комнате и сваливает всю вину на тебя. Твердит, что он невиновен, что это ты заставил его похищать и истязать тех несчастных женщин.

Он говорит, что ты ни на что не годен, даже намекает, что в этом ты полный ноль. Что ты предпочитаешь использовать различные предметы для причинения боли женщинам или просто наблюдать за его "представлениями", вместо того чтобы делать это самому. Он утверждает, что ты только делаешь вид, будто смотришь на женщин, а на самом деле пожираешь глазами его, что тебя по-настоящему возбуждают мужчины, что ты втайне мечтаешь, чтобы тебя поимел мужчина.

Орвицка бегло просмотрел показания Бави. Тот действительно наговорил много мерзостей, в том числе: "Лэнгли - импотент, это я делал всю грязную работу, те бабы меня просто обожали, я дарил им настоящее наслаждение, а Лэнгли мог причинить им только боль".

То, что Лэнгли якобы предпочитает мужчин, Орвицка, конечно, солгал.

Но и правдивые, и лживые слова вызывали у Орвицки приступ тошноты. Однако ему необходимо было вывести Лэнгли из ступора, заставить его говорить, а для этого приходилось давить на самые больные точки, беречь старые раны.

Лэнгли действительно едва заметно отреагировал. Мышцы на его лице судорожно дернулись, исказившись гримасой отвращения и ярости, но, к сожалению, это длилось лишь мгновение, и он снова погрузился в апатию.

Значит, это было его слабое место, но еще не самое уязвимое. Его психологическая броня все еще держалась.

- Чтобы выйти на твой след, я встретился с несколькими твоими бывшими нанимателями, - продолжил Орвицка, стараясь придать голосу доверительную интонацию. - Все они - весьма уважаемые и приятные в общении джентльмены, - какая чушь, просто кучка старых развратников, прикрывающихся маской благопристойности. - Они очень по тебе скучают и настойчиво просили меня, если тебя удастся поймать, сообщить им твое местонахождение. Представляешь, на самом деле, слуга одного из этих джентльменов совсем недавно тайно приходил в участок и умолял меня позволить его хозяину попрощаться с тобой.

В конце концов, ты ведь все равно скоро умрешь, не так ли? Какая разница, одним унижением

больше, одним меньше?

- Хрясь! - Руки Лэнгли инстинктивно дернулись, словно пытаясь сбросить невидимые путы. Он вскинул голову и посмотрел на Орвицку взглядом, полным жгучей ненависти и первобытного страха.

- В полицейском участке, между прочим, тоже имеется комната для пыток, - вкрадчиво добавил Орвицка, - она находится рядом с камерами предварительного заключения. Ей, правда, давно не пользовались, потому что некоторые лицемеры постоянно твердят о том, что мы, дескать, цивилизованные люди и не должны прибегать к этим варварским, отсталым методам. Но можешь быть уверен, все инструменты в этой комнате в полной сохранности и боевой готовности, гораздо лучше, чем в твоей жалкой подземной конуре. И, кстати, тот самый джентльмен любезно предложил принести свои собственные, особые инструменты.

<http://bllate.org/book/17916/1715825>